

- Доброе утро, Тайти.

При первой встрече на следующей неделе Нагасэ по-прежнему выглядела немного смущенной.

- ...Доброе утро, Нагасэ.

Повисла странная пауза.

Нагасэ, точно стремясь пробудить в себе боевой дух, несколько раз хлопнула себя руками по белой коже.

- Что бы я ни рассказала, между нами все останется так же, как было. Обещание мужчины мужчине, не так ли?!

- Что это за персонаж? - подколот Тайти.

- Что бы я ни рассказала, между нами все останется так же, как было. Обещание мужчины мужчине, не так ли?!

- И зачем повторять дважды?! И потом, ты вроде бы не мужчина... Или ты решила тоже меня подколоть?

Тайти сам не понял, прав он был или нет, но Нагасэ захихикала, потом сказала:

- Понимаешь, «обещание мужчины мужчине» - это звучит сссуперкруто, скажешь нет? А «женщины женщине» или «мужчины женщине» не звучит.

- Не понимаю... Да, кстати, ты вообще как, нормально? - вне всякой связи с предыдущей темой поинтересовался Тайти.

- ...Ага, нормально! - и Нагасэ, прищулив глаза, показала пальцами знак мира.

Можно ли принимать ее улыбку за чистую монету?

- В общем, если надо, чтобы я что-то сделал, просто скажи.

Не слишком ли угрюмо у него вышло? Этого Тайти сам определить не мог.

- Угу, спасибо. Тайти, ты такой добрый, - повесив голову (что с ней бывало редко), пробормотала Нагасэ.

Однако, словно там, внизу, она что-то обнаружила, ее лицо тут же стало серьезным.

- Но... сейчас, по-моему, «ты нормально?» надо не только у меня спрашивать.

Проследив за печальным взглядом Нагасэ, Тайти обнаружил только что вошедшую в класс с каким-то усталым выражением лица Химэко Инабу.

□■□■□

В начале новой недели здоровье Инабы не улучшилось – скорее наоборот.

Беспокоясь за Нагасэ, Тайти в то же время тревожился и за Инабу. Естественно – ведь он день за днем видел, как ей становится все хуже.

Однако, несмотря на это, дни шли, а он ничего не предпринимал. Настала пятница, и на всемирной истории, которая была четвертым уроком...

Несмотря на то, что «это», можно сказать, стало уже привычным делом, после мгновения черноты перед глазами – Тайти резко затошнило.

- Гх?!

Тотчас зажав рот рукой, он остановил то, что поднялось по пищеводу и теперь просилось наружу.

Не тратя времени на выяснение, [кем] именно он стал, Тайти вскочил и пулей вылетел из класса.

Сзади раздались удивленные возгласы, но и о них думать было некогда.

Быстрее в туалет.

Кинул взгляд вниз – там черные гольфы и юбка. Значит – в женский.

Ворвавшись в ближайший туалет, Тайти первым делом избавился от забившей рот жижи. Потом исторг то, что поднялось следом. Горло жгло кислотой, в груди было мерзкое ощущение, словно ее царапали изнутри. И голова раскалывалась.

Вскоре он понял, что в туалет ворвался кто-то еще.

- Инабан! Что с тобой?!

Услышав голос Нагасэ, Тайти сделал логичный вывод, что сам он сейчас в теле [Инабы].

- А мной стал, видимо, Тайти? Блин, что ж ты такой нетерпеливый. Никакой силы воли.

Этот голос принадлежал [Тайти]. В [теле] которого, вне всякого сомнения, была Инаба.

- Ага... Тайти... Блин... какая ж нужна сила воли, чтобы такое терпеть... - прополоскав горло водой из-под крана, простонал в ответ Тайти [Инаба].

В туалет вбежал учитель, но Инаба [Тайти] заявила: «Просто ей вдруг стало плохо. С утра было все нормально. Сейчас мы отведем ее в медкабинет», - и он вернулся в класс, не вникая в подробности: должно быть, хотел поскорей продолжить урок.

- Иори, ты тоже иди в класс. А [это] я сама провожу.

- Ох уж... Инабан, ты бы как-то побольше о собственном теле заботилась... Я так перепугалась... Тайти, ты как? - встревоженно спросила Нагасэ у Тайти [Инабы].

- ...Спасибо, уже намного лучше. ...Пожалуй, я уже тоже могу вернуться в класс.

- Тайти. Сейчас ты пользуешься [телом Инабан], не смей забывать об этом.

Это было сказано очень укоризненным тоном.

- ...Понял. Извиняюсь. Раз я в [чужом теле], надо быть бережнее, да...

Хотя это же и так очевидно, подумал Тайти.

- В [чужом теле], значит... - многозначительно произнесла Инаба [Тайти].

- Просто я малость беспокоюсь оставлять все на вас двоих. ...Вы оба становитесь такими тормозами, когда дело касается вас самих... В общем, дуйте в медкабинет и отдохните там, и если будете неважно себя чувствовать - не напрягайтесь очень уж, вам понятно? Ответ?

Нагасэ еще какое-то время капала им на мозги, точно наставляя маленьких детей, потом наконец ушла в класс.

- И чего она над нами так кудахчет? Что, совсем ненадежными нас считает? - пробормотал

Тайти [Инаба]. Инаба [Тайти] ответила:

- И она права. Ну, пойдем в кружок?

- ...Такое ощущение, что ты малость противоречишь сама себе...

Естественно, спорить было не о чем – они отправились в кабинет кружка.

Почти сразу после того, как Тайти с Инабой добрались до кабинета, их обмен закончился.

- ...Вернулись, – пробормотал Тайти.

- Да, – ответила Инаба.

- Что будем делать? Может, все-таки в медпункт? Остается шанс, что ты еще с кем-нибудь обменяешься, но...

Именно беспокойство, что кто-то еще может угодить в нынешнее [тело Инабы], заставило ее предпочесть кабинет кружка медицинскому.

- В медпункте всякие неожиданности могут произойти... А чтобы просто полежать, достаточно и этого диванчика.

И Инаба улеглась на диванчик, воспользовавшись подлокотником в качестве подушки. Когда она вытянулась во весь рост, ноги свесились с другой стороны, но, вне всяких сомнений, ей было комфортно.

- Эх, от меня одни проблемы, Тайти. Возвращайся уже на урок.

- Конечно, уже ухожу... думаешь, я так ответил бы? У тебя такой бледный вид, а я должен оставить тебя одну? Тошнить тебя уже не должно, потому что я все выbleвал, но тяжесть во всем теле наверняка осталась, и голова тоже не прошла.

- А Иори ты сказал, что все нормально. И вообще, кончай уже от всего отшучиваться, это противно.

- Не обзывайся «противным». Лучше здоровье в порядок приведи.

Короткая пауза.

- Когда я в таком состоянии, от меня одни проблемы... да? Извини... - глядя в потолок, еле слышно произнесла Инаба. Голос ее звучал немного уныло.

- Да нет, никаких проблем... Инаба, ты же о нас беспокоишься, верно? То, что сегодня получилось со мной, - это просто из-за неудачного момента обмена. А вообще это, по-моему, в первую очередь из-за проблем со здоровьем, которые с обменами вовсе не связаны.

- Ну... может быть, - туманно ответила Инаба и прикрыла глаза правой рукой.

Тайти ощутил раздражение, что с ним бывало редко.

- Слушай, Инаба... кончай уже. В последнее время с тобой правда что-то странное творится. Недавно ты упала в обморок, сегодня вот это. Ты все время твердишь «со мной все нормально, не беспокойтесь», но все прекрасно видят, что с тобой ни фиги не все нормально. Мы ведь все были в шкуре [Инабы], так? И потом, ты была совершенно здорова, а плохеть тебе начало вскоре после того, как пошли обмены. По-моему, нам есть о чем беспокоиться. Если есть какая-то конкретная причина, было бы неплохо, если б ты ее назвала. И тогда, может, нам удалось бы как-то помочь. ...Или твоя болезнь с обменами никак не связана - ну тогда скажи просто: «Я заболела». Если не хочешь рассказывать, что именно за болезнь и как называется, ну не рассказывай.

Конечно, Инаба может ответить, что, мол, чья бы корова мычала, однако нынешнее ее состояние и поведение было для Тайти невыносимо.

- ...Не шуми так. У меня в голове звенит.

Опять она пытается уйти от ответа.

- Инаба. Я хочу стать тебе опорой.

Неясно, передался ли Инабе пыл Тайти, но она поднялась и села. Несмотря на неважное состояние, она сейчас была очень красива. И, глядя снизу вверх на стоящего перед ней Тайти, она сказала:

- А почему ты хочешь стать моей опорой? ...Ответы «потому что хочу» и «потому что я твой друг» не принимаются.

- А...

Тайти, собиравшийся сказать именно это, на миг лишился дара речи. Впрочем, тут же у него нашлись другие слова.

- ...Инаба, ты ведь всегда беспокоишься за нас всех, значит, ты стала нам опорой, так? Обычно ты прикидываешься, будто все делаешь просто по прихоти, но, если происходит что-то серьезное, ты всегда нас выручаешь. Я просто хочу отплатить тебе той же монетой.

Он смотрел на Инабу сверху вниз, словно спрашивая взглядом: «Ну как?»

Однако и эти слова Инаба отбила с насмешливой ухмылкой:

- Значит, если бы я не стала вашей опорой, ты бы не стал меня выручать? ...И не говори больше таких вещей, которые меня в краску вгоняют, глупый.

- Не, ну, конечно, стал бы... По-моему, так, как ты сейчас, говорить нечестно, а?

- Ничего нечестного.

В ее голосе прозвучала такая решительность, что Тайти и пикнуть не смог.

- ...И.

Поправка: только пикнуть он и смог.

- Однако почему вы, ребята, такие человеколюбивые? Никак не могу понять. Хотя если бы вы были чуточку «позлее», это значило бы, что вы изменились... Нет. Это ведь мне надо измениться, да?

То, что Инаба так вот небрежно высказывает свои чувства, само по себе казалось Тайти очень важным.

И внезапно он подумал вот что.

Инаба ведь уже не первый раз так открывает свое сердце, разве нет?

До сегодняшнего дня Инаба уже давала предупредительные сигналы. Но Тайти - да нет, не только Тайти, вообще все четверо, кроме Инабы, - они все воспринимали эти звоночки как предостережения чисто для них самих.

Потому что это говорил не кто иной, как Инаба. Потому что Инаба - такой человек. Потому что Инаба - жутко способный человек, который всегда наставляет Тайти и других на путь истинный, который всегда указывает им на их недостатки, о котором просто нет надобности заботиться...

Возможно ли, что они, сами того не сознавая, составили совершенно превратное впечатление?

Тайти медленно заговорил и тут же понял, что его голос дрожит.

- Инаба... ты... в порядке?

- ...Чего это ты вдруг? Если ты про самочувствие, то, нууу, еще немного отдохну, и -

- Я не об этом... я обо всей нашей ситуации.

Возможно, у Тайти сейчас было такое лицо, будто он может в любой момент расплакаться, но героически держится. Так ему подумалось.

Инаба глядела на него; вдруг ее лицо расслабилось.

Его выражение стало мягким, ласковым и теплым, на губах появилась легкая улыбка.

Не то чтобы ее лицо обычно не выдавало чувств, но на нем, казалось, постоянно была какая-то маска, которая лишь отображала изменение эмоций; и если эта маска сейчас спала, то, возможно, на лице Инабы следовало бы прочесть много важных вещей.

И эта Инаба сказала:

- ...Я не в порядке.

Никаких сомнений.

Конечно, в словах Инабы были и советы для остальной четверки.

Но в первую очередь, возможно, она просто хотела пожаловаться? Возможно, она просто хотела выразить словами беспокойство, которое грызло ее именно потому, что она была умна?

Инаба назвала ситуацию отчаянной.

Не потому ли, что эта ситуация приводила в отчаяние саму Инабу?

Однако Тайти, несмотря на все те слова Инабы, ни о чем таком не думал. Инаба создавала иллюзию, что она сильная и поэтому у нее все в порядке, - до тех пор, пока не начала просто разваливаться.

Как и говорила Инаба, он, самопожертвовательный олух, совершенно тупой. Несомненно, Инаба дошла до такого состояния как из-за обменов, так и из-за того, что остальные ничего не замечали.

Она была умна, умнее других; но именно из-за того, что все видели ее ум, они не замечали остального.

Внезапно на лице Инабы отразилось изумление.

- Погоди-ка... Сейчас было не то... Забудь.

Что именно было «не то»?

- Нет... ну... «Не в порядке» - я имею в виду, в нашей особенной ситуации нельзя быть в порядке. А у меня самой особых проблем нет.

Глядя на лихорадочно отнекивающуюся Инабу, Тайти вдруг осознал, как жесток он был к ней до сих пор.

- Инаба... Тебе ведь хуже всех от этих обменов... да?

Даже этого он не замечал; какой же он друг?

У Тайти подогнулись колени, и он сел прямо там, где стоял. Просто не держали ноги.

- Еще один обмен... Нет, похоже, что нет. ...Блин, сморозила глупость. Неудачный сегодня день. Еще и показала свою слабость такому «врагу», - и Инаба с раздраженным видом прикусила ноготь.

- Инаба, я для тебя... «враг»?..

- Нет. Не в этом смысле. Вы все...

Тут Инаба замялась, взгляд ее устремился куда-то в пространство. Было видно, что она в нерешительности.

Та самая Инаба, которая всегда высказывает то, что хочет высказать; однако это вовсе не означает, что она обнажает перед другими свое сердце.

- ...Вы все для меня самые лучшие «друзья» в целом мире. И поэтому вы для меня главные «враги».

Сейчас, возможно, впервые за все время Инаба показала важное, очень важное «нечто», которое обычно ни за что не позволяла другим увидеть. Приоткрыла дверцу в свою душу. «Враги» – смысл этого слова был...

- То есть это...

- Все, эту тему сворачиваем, – решительно заявила Инаба; дверца захлопнулась.

- Если уже столько сказала... не увиливай, Инаба, договаривай. Раз уж ты сказала слово «друзья», раз уж ты назвала меня своим другом, давай я возьму на себя хоть немножко твоей боли. Я не хочу смотреть, как мой друг мучается.

- Тогда тебе лучше закрыть глаза.

- Проблема не в этом.

Не хочет ли Инаба сказать, что и дальше собирается терпеть в одиночку?

Такого Тайти допустить не мог. Он это уже понимал.

Зажмуриться, сбежать, обмануть себя – чего этим можно достичь?

Поскольку проблема уже здесь, ее следует принять, обдумать – и лишь тогда идти вперед.

Так должно быть.

Тайти уперся руками в колени и встал.

- Если один человек не хочет поделиться с другим, отчего ему так плохо, по-моему, их вряд ли можно назвать друзьями.

Лицо Инабы исказилось, как будто она с трудом сдерживала слезы.

- Но ведь если расскажу... тут же все будет кончено... Вот потому-то...

- Не знаю, о чем ты, но кончатся, по-моему, нечему. Не надо так плохо думать о людях, Инаба.

Вдруг Тайти ощутил, что Инаба действительно его ровесница.

Она сильная. Но в то же время есть в ней и слабость.

– Твои слова что могут гарантировать... Я... не такая, как вы. Совсем не такая!.. И это... не исправить.

Мелко дрожа, Инаба вцепилась в кожу диванчика, словно собираясь вырвать клочок. Тонкие белые пальцы, казалось, переломятся, если девушка сожмет их чуть сильнее.

«Она в порядке ли?» – сам себя спросил Тайти.

Не исключено, что в самом деле не в порядке. И тем не менее двигаться вперед необходимо. Если не удастся понять, что происходит, то и сделать он ничего не сможет. Даже если ему придется тяжело, нужна какая-то отправная точка.

Поэтому без намека на колебания он произнес:

– Инаба, все будет хорошо. Я тебя спасу.

Обещать то, что сам не знаешь, способен ли выполнить, может, наверное, только полный дурак? Однако после своего решительного заявления Тайти почувствовал, будто он стал чуточку ближе к правде.

Инаба, неотрывно глядя на Тайти, вдруг сжала кулак. И этим кулаком резко стукнула по стене. Как будто пыталась изувечить собственное тело.

– Ну почему ты говоришь, что все будет в порядке, хотя даже не знаешь ничего, а? Ты просто не можешь меня понять. ...Ну ладно, я тебе скажу прямо.

Эти слова Инаба произнесла, буравя Тайти взглядом настолько горячим и пронзительным, что Тайти даже подумал: уж не ненависть ли пропитывает этот взгляд?

Все будет хорошо, сказал Тайти самому себе.

– Я... я вам... просто не могу доверять.

Вот такие неожиданные слова она произнесла.

– Два человека обмениваются собой, иными словами, [тело] и в то же время [общественное положение] одного занимает другой. Ты отдаешь себе отчет, что это значит?

Голос Инабы прозвучал настолько зловеще, что Тайти чуточку занервничал.

- В это время можно совершить любое преступление, что угодно, и вся, абсолютно вся ответственность будет лежать на «истинном владельце тела». Можно сколько угодно переваливать на других ответственность за то, что делаешь сам. Если кто-то хочет кого-то убить, он может убить. Если хочет украсть – может украсть. Если хочет изнасиловать – может изнасиловать.

- Но... это значит, он сделает плохо истинному владельцу тела –

- А на других людей ему плевать, – холодным голосом перебила Инаба. – ...Ну, насчет преступления я, возможно, преувеличила, но, если в результате обмена двое оказываются в домах друг друга, они могут свободно обшарить весь дом и найти какие-то секреты, забрать немножко денег, все такое – разве нет?

- Ну да... это все возможно, конечно, но...

- Я все время думаю, не сделаете ли вы что-то подобное, не устроите ли что-нибудь, пока сидите в [моем теле]. Когда я об этом думаю, мне так страшно, что я даже не могу спать ночью.

Да, под глазами у нее виднелись тени, которых прежде не было.

- А больше всего я ненавижу – саму себя. За это свое воображение. Даже думаю, что лучше умереть. Я ведь вас всех считаю своими друзьями. Я отлично понимаю, что вы такого не сделаете. Это... правда. Тебе может показаться, что я сама себе противоречу, но все равно поверь мне. ...Хотя это неважно. Так вот, я это все понимаю, но все равно продолжаю крутить в голове все эти «если». Когда после очередного обмена возвращаюсь в себя, всякий раз не могу сдержаться – проверяю, не случилось ли чего. Мне страшно... показывать вам эту уродливую часть самой себя.

Монолог Инабы длился и длился, она словно выплескивала его из себя.

- Я раньше думала, что у всех людей в той или иной степени есть эта черточка. Сколько бы мы ни делали вид, что всем доверяем, в глубине души все равно ведь немного сомневаемся, правда? Но когда начались обмены, я поняла. Вы, ребята, в самом деле доверяете всем, в том числе мне, да? По-моему, вы совершенно не боитесь, да? ...Тогда что я такое?

Она не «не верила», она «не могла верить». Хотя «ей верили», хотя она «пыталась верить», но «не могла». Тайти мог только догадываться, как ее это терзало.

- Но, Инаба... даже если все так, мы все равно тебя вовсе не ненавидим.

Да, даже если у Инабы такое в голове, все равно она остается Инабой, и...

- Даже если ты не возненавидишь меня сразу и резко, неужели будешь относиться так же, как

раньше?

- Ну...

- Я, по крайней мере, уже не смогу. Я не настолько бесчувственная, чтобы сказать человеку, который мне доверяет, что не могу ему верить, а потом вести себя так, как будто ничего и не было.

Если Инаба сейчас высказала свои истинные мысли, то Тайти и остальные, как бы ни раздумывали, поделаться ничего не смогут.

Инаба легонько вдохнула и положила руку на грудь. В следующих ее словах прозвучала решимость.

- Я даже своей семье не доверяю - вообще никому в целом мире. Поэтому все для меня «враги». А вы, ребята, самые главные «враги» среди них всех. Наверное... если бы не моя надменность, вы бы мне доверяли больше, чем кому-либо другому. ...Если бы я просто была абсолютно недоверчивой ко всем, возможно, это было бы лучше. Даже если я в определенном смысле не верю людям, это не значит, что я их ненавижу; думаю, я вполне могу веселиться, как все... И вот эта моя половинчатость меня сейчас и грызет все время.

Завершив свой монолог словами «ну вот я и высказалась», Инаба самоуничижительно улыбнулась.

- Тогда... - начал было Тайти, но тут же остановился. Увидев это, Инаба приподняла уголки рта. Это была очень печальная улыбка.

- Чтоб ты знал: ты не придумаешь, как меня спасти, сколько бы ни старался. Потому что я всегда была такой.

И, точно в Инабе что-то странным образом переключилось, она стала лихорадочно выплевывать фразу за фразой:

- У меня нет травмы вроде тех, что у Юи и у Иори. ...Персонажи из книжек часто становятся не очень приятными личностями после того, как проживают трудную жизнь, правда? И люди, которые на это смотрят, жалеют их. Но, по-моему, это все равно счастье. Потому что, серьезно, они ведь не без причины такими стали, да? Раз так, их можно спасти. Такая травма - это более-менее ничего; правда, это только книжки. Но как можно помочь тем, у кого такой травмы нет? Единственная причина - человек такой, потому что он таким родился. И значит, спасти его нельзя. Если попытаться выправить то, что в человеке с рождения, он просто перестанет быть самим собой. ...И это было бы самым ужасным, тебе не кажется?

Тут Инаба вдруг замахала руками перед лицом со словами «только я не хочу изображать

какую-то там героиню трагедии». Потом продолжила прежним тоном:

– Это, конечно, мое личное мнение, но в реальности у большинства людей нет таких четких и драматичных травм, как у книжных персонажей. Конечно, я не могу сказать, что у того, что произошло со мной, совсем не было никаких внешних причин. Однако у большинства людей нет особых шансов, они «такие» чисто потому, что такими родились. В книжках эти причины просто вводят, чтобы их можно было «превозмогать». Но в жизни, в реальности, мне кажется, почти всегда спасения нет, это «истории, которые никогда не станут книжными историями». В нашем мире мало что и мало кого можно спасти. В этом смысле, возможно, и ты, самопожертвовательный олух, безнадежен. Ты ведь тоже всегда был таким, да?

Если следовать теории Инабы, так оно и есть. Те, кто может спасти и кого можно спасти, встречаются редко.

Значит, и Тайти тоже...

– Да... человека, у которого нет никакой травмы, спасти от этого, наверно, нельзя.

Он не считал, что слова Инабы ошибочны. Но... что они верны, он тоже не считал.

Нет – не хотел считать, что они верны. Потому что такой мир казался ему слишком фальшивым.

Однако внезапно Тайти осознал кое-что.

Если он скажет это кое-что, разозлится ли Инаба? Но, несмотря на эту мысль, он все же решился. Что бы ни было, что бы ни случилось, все равно необходимо двигаться вперед.

Это его долг как человека, вынудившего Инабу высказать наконец все, что она до сих пор старательно прятала, упорно не желала раскрывать.

– Но это потому, что спасти тебя и не нужно?

Не слишком ли он оптимистичен?

– Хаа? – Инаба прищурилась и одарила Тайти подозрительным взглядом.

– Потому что я думаю – характер, который у человека с самого начала, – это совершенно не проблема.

Да. Ведь все, что у человека есть от рождения, – это то, что присудил ему бог.

Какое-то время Инаба пыталась понять смысл слов Тайти, потом, как он и ожидал, взъерилась.

Гнев. Всю ее мгновенно окутала аура гнева.

- Хоо... Значит, ты утверждаешь, что это сушая мелочь, которая даже не стоит того, чтобы о ней беспокоиться? И что вот этот вот человек, который выглядит так, словно того гляди умрет, - просто дура?

Впервые в жизни Тайти ощутил исходящую от другого человека жажду убийства.

- Нет, по-моему, этого я не говорил.

У него мелькнула мысль, что стоит отступить.

Однако он должен сражаться с проблемой лицом к лицу.

Мир едва ли настолько дружелюбен, чтобы позволять добиваться чего-либо без боли.

- ...Но в конечном счете, может, так оно и есть.

- Тайтии!

Инаба вскочила, сделала широкий шаг к Тайти и вцепилась ему в воротник.

Ее большие раскосые глаза в окаймлении красивых длинных ресниц буквально пылали. Губы все еще были бледноваты, но щеки покраснелись; лицо не скрывающей ярости Инабы, как всегда красивое, сейчас дышало такой силой, какой не ожидаешь от человека, который себя плохо чувствует.

До сих пор Тайти был уверен, что характер Инабы столь же тверд, как и носимая ею маска, однако сейчас он уже так не считал. Он видел, что и Инабе присуща естественная слабость.

Тайти стало трудновато дышать, но, не беспокоясь об этом, он проговорил:

- В смысле... такая Инаба тоже... ничего страшного, ведь так?

У Инабы стало совершенно растерянное лицо.

- Нет... конечно, то, что ты никому не веришь, - это печально, но все равно, по-моему, тебе вовсе не обязательно как-то насильно себя менять... По-моему, я и такую Инабу могу принять.

...Даже если это будет и не совсем в той же форме, как было до сих пор.

Он снова ощутил, как его шею сильно сжали.

- Такого человека... я сама бы не приняла!..

Выражение лица Инабы перед глазами Тайти стало совершенно затравленным.

Поэтому он произнес совершенно отчетливо:

- А я принял.

Руки Инабы вдруг резко ослабли.

- Что ты... такое говоришь...

- Я говорю: я принял. И... наверно, и Нагасэ, и Кирияма, и Аоки - все примут без проблем. Вот я и хочу сказать: раз так, может, и тебе не стоит так сильно беспокоиться? И еще: если ты откроешься, то ведь сможешь какие-то средства самозащиты применить, так? И все будет в порядке.

- Т-ты что, совсем дурак?! Думаешь, все так просто?!

Голос Инабы звучал немного истерично; сейчас в нем было скорее ошеломление, чем гнев.

- Просто или нет, я не знаю.

- Ты... так рискованно действовать... как ты вообще можешь!? А если вы меня не примете, что мне делать?!

Если честно, правильный ответ - «ничего не делать».

Но эта Инаба хотела, чтобы ей прямо высказали дружеское мнение, чтобы ее спасли. Тайти думал, что должен как-то справиться с этим. Однако ответа пока не находилось.

- Ну, по крайней мере, у тебя есть я. Или мне нельзя?

- Чт-!..

Инаба потеряла дар речи и сделала шаг назад, потом еще шаг.

- Ты... ты правда говоришь такие слова, и так естественно!.. Что за легкомысленный тип!..

Она смотрела на Тайти круглыми глазами, точно на какое-то необычное животное.

Вроде бы ничего настолько шокирующего я не сказал, подумал Тайти.

- В любом случае, Инаба, сперва ты сама себя должна принять. Я тут ничего не могу сделать.

Даже если в конце концов она изменит себя, стартовая точка вот здесь.

- ...Надо же, мне Тайти мораль читает.

Инаба отступила еще на несколько шагов и, наткнувшись ногой на диванчик, села – почти рухнула. Тут же повалилась на него и закрыла лицо руками.

Впервые Тайти видел такую беззащитную Инабу.

Подумав, что стоит на какое-то время оставить ее в покое, Тайти сел на стул.

Похоже, в итоге они полностью пропустят четвертый урок.

Сотни учеников в школе сидели по классам, и только двое находились в комнате кружка. Очень приятное ощущение. Тайти подумал, что причину этого ощущения ему трудно выразить словами. Но если Инаба чувствует то же, что и он, то хорошо.

Вдруг Инаба, которая все это время лежала съежившись, резко вскинулась.

- Да... это невозможно!

- Что невозможно?

- Ну... открыть другим мою уродливую сторону. Что бы я ни делала, результат будет только... негативный.

Инаба закрыла лицо руками и опустила голову. От надменной самоуверенности, обычно переполнявшей Инабу, не осталось и следа.

- Но я же нормально -

- Тайти, твой пример на всех обобщать нельзя.

...Кажется, его только что завуалированно обозвали «сдвинутым».

Итак, что же делать? Тут Тайти пришло в голову нечто странное.

- ...Слушай, Инаба. Мне кажется, если человек сидит один и думает «если об этом узнают другие, будет погано», то он все воспринимает серьезней, чем надо.

- Такими утешениями ты -

- Поэтому я тоже хочу рассказать тебе секрет, который вообще может довести меня до могилы.

- Хаа? - в который уже раз за сегодня на лице Инабы отразилось потрясение.

- Честно - если про это все узнают, моей школьной жизни придет конец, для общества я умру, стану совершенно конченным человеком - вот какой это безумно страшный и сверхопасный секрет. ...Ну, по крайней мере, у меня такое ощущение.

Хотя он сам же поднял эту тему, голос у него дрожал.

Можно ли идти этим путем? Если он допустит ошибку, вполне может выйти комедия, но только более чем трагическая. Тайти охватила тревога.

- ...Хм, Тайти. А тебе какая выгода от того, что ты поделишься со мной своим секретом?.. Неужели ты собираешься потом сказать что-нибудь вроде «я поделился, теперь ты тоже делись», а?

- Кажется, меня раскусили.

Инаба встала, лицо ее подергивалось. Не произнося ни слова, она направилась к Тайти.

- Тэйй!

И резко оттолкнула стол!

- Гхуээ!

Край стола въехал Тайти в живот! Что же делать.

- Чтооооо, блин, у тебя вообще в голове творится!

Яростный голос, способный обратить человека в камень.

- ...Что так громко, Инаба. Этот корпус, конечно, далеко от главного, но представь себе на минуточку, что мы в классе...

Инаба грохнула по столу кулаком.

- Нет, ну бллллиин, кааак же ты меня бесишь. Я и так была вся под стрессом. А сейчас уже вовсе на пределе.

Ее глаза горели садистским огнем, который она до поры скрывала.

- Но пока суд да дело, давай рассказывай свой секрет!..

По лицу Инабы расплылась дьявольская ухмылка. Ну да, это же Инаба. До того, как она вернулась в свое нормальное состояние, не лучше ли было? Тайти хотелось верить, что ему это всего лишь показалось.

- Это... Инаба, пообещай, что другим не расскажешь...

- Сначала выкладывай. Когда услышу, решу. Я ведь в каком-то смысле уже рассказала тебе кое-какой свой секрет.

Тайти сглотнул слюну. Говоря откровенно, раскрывать это ему было страшно.

Он всегда считал, что рассказывать такое девушкам - абсолютное табу.

Он хотел удрать. Хотел удрать, но - давай уже, иди вперед.

А там будь что будет.

- В общем... как бы это сказать...

Такое напряжение он за всю свою жизнь ощущал впервые. Тело охватило онемение, в животе как будто все содержимое потекло в обратную сторону.

Необычное состояние Тайти словно передалось и Инабе: ее лицо тоже напряглось, точно она приготовилась обороняться.

Он собрал волю в кулак.

- Я тобой... ну, «вдохновлялся».

Время застыло.

Температура в комнате будто разом упала до абсолютного нуля.

Тайти не мог сдвинуть свое тело даже на миллиметр. Ему казалось – если сдвинет, то затвердевший воздух тут же расплавится. Ему хотелось хоть на чуть-чуть оттянуть реакцию Инабы.

Но, конечно, на самом-то деле время не остановилось.

- ...«Вдохновлялся»... в смысле, когда занимался этим?.. – переспросила Инаба.

- ...Ага, в этом смысле «вдохновлялся».

- Вот оно что... понятненько... Тогда, наверное, не только мной, но и Иори, и Юи тоже, да?..

...Тайти охватила безумная тоска, но он вынужден был кивнуть.

- Понятно, вот, значит, как Тайти смотрит на своих одноклассниц – как на вещи, которыми можно так вот «пользоваться», да?..

Такая Инаба, бесстрастным голосом выкладывающая свои мысли одну за другой, была страшней всего.

- ...Мной... Пха! ...Ха-ха-ха, уа-ха-ха-ха-ха-ха!

Инаба хохотала, держась за живот. Потом это перешло на отдельные «хии, хии», словно ей стало трудно дышать; в таком состоянии она повалилась на диванчик и принялась колотить по нему.

- Чт-... эй!.. Ну не всегда ведь! Я почти ничего и не делал! ...Эй, ты вообще слушаешь?!

Даже не глядя в зеркало, Тайти был уверен, что он сейчас весь пунцовый.

- Аа, ха-хха-ха... ааа... аж больно... ха-ха-ха.

С трудом подавив наконец смех, Инаба вытерла слезы с глаз. Она тяжело дышала, словно только что пробежала марафон.

Еще несколько раз Инаба вытерла глаза, потом сделала глубокий вдох и более-менее успокоилась. Правда, время от времени, как будто вспомнив, что не насмеялась вдоволь, снова принималась хихикать.

Вскоре она снова глубоко вздохнула, словно в последний раз, и - уже в следующее мгновение из-под полуопущенных век запустила в Тайти взгляд настолько ледяной, что такого, казалось, вообще в мире существовать не может.

И заявила. Голосом, в котором смешались отвращение, возмущение и презрение.

- Из-врааа-щенец!

Этим словом она рубанула, как топором.

- Суперизвращенец, грязный пес, варвар, дегенерат, подонок, мерзавец, скотина, похотливая мартышка.

Тайти показалось, что он умрет от одних лишь оскорблений.

- ...Ууу...

Даже на человеческую речь он был уже не способен.

Это конец. Очевидно, его план -

- Но знаешь...

Лицо Инабы внезапно расслабилось, приобрело безмятежное выражение.

- ...Такой Тайти тоже... ничего страшного, ведь так?

И она улыбнулась.

- Ну, в смысле, Тайти, у тебя ведь это... Для мальчишек в период полового созревания это ведь нормально, да? ...Однако заявлять такое... Если проколешься, у тебя будут серьезные

неприятности... Ну, со мной на эту тему говорить можно. С другими девушками – ни за что.

– Вот поэтому-то... я и сказал «сверхопасный секрет». Я его только тебе рассказал.

– Только мне, значит. ...Мне теперь радоваться по этому поводу? ...Даже если так, это сплошной идиотизм. Идиотизм раскрывать такой секрет; идиотизм думать, что ты сможешь меня этим переубедить; идиотизм выглядеть так, будто ты в полном порядке, хоть и услышал все это; идиотизм действительно быть в порядке после того, как услышал все это... А самый большой идиотизм – что меня это тронуло...

Инаба подняла голову и прижала палец к уголку глаза. Она словно заявила этим жестом «нет, я не плачу». Однако получилось неубедительно, и она принялась тереть глаза рукавом.

– Это... это не считается! Просто выступили слезы от того недавнего смеха!

Ребенок она, что ли? Да нет, без «что ли». Инаба действительно еще ребенок.

Именно поэтому она в самых разных ситуациях тревожится и страдает. Нельзя человеку постоянно идти в одиночку. Иногда необходимо, чтобы кто-то его поддерживал. Возможно, и у взрослых все точно так же.

– Кстати, раз ты девочка, должна платок при себе иметь, – и Тайти, подойдя к Инабе, протянул ей носовой платок.

– ...Блин... что ж ты делаешь. Ведешь себя как полный дебил, ну правда. ...Хочешь, чтобы и я в тебя влюбилась?..

Не то чтобы Тайти жил по принципу «куй железо, пока горячо», но, стремясь побыстрее провести решающую битву, он тут же вызвал остальных членов КрИКа.

Время битвы – большая перемена, место – комната КрИКа.

А пока что Тайти подвергался попыткам красной как рак Инабы насильственно очистить его память с помощью фраз типа «Что я плакала и все, что наговорила, – все забудь начисто! Если хочешь жить!».

И когда прозвенел звонок, возвещающий конец четвертого урока и начало большой перемены...

– ...Вот такая история.

Инаба разом выложила тщательно оберегавшийся ею секрет Кирияме, Нагасэ и Аоки. Хотя она долго уходила от этой темы, но, приняв решение, сделала это без колебаний. Настоящая Инаба.

Однако полностью избавиться от тревоги и страха она все же была не в силах – ноги ее мелко дрожали.

Тайти считал, что все будет в порядке. Тайти говорил, что все будет в порядке. Остальные трое обязательно примут и такую Инабу. С верой в это Тайти ждал их реакции, молясь в душе. Если все пойдет не так, как он предполагал, и случится худшее – как, с каким лицом он будет извиняться перед Инабой? Нет, главное не это: что вообще станет с КриКом?

Но эти ребята – наверняка они...

Из троицы, все это время молчавшей (молчать им приказала Инаба), первой раскрыла рот Нагасэ.

– Инабан, то есть ты хочешь сказать...

Тут она замялась.

Инаба напряглась всем телом.

Какими словами Нагасэ отреагирует на ее откровенное признание?

– ...Что ты просто беспокойная по натуре?

Эти слова... были за гранью воображения.

– Бе... беспокойная по натуре... Иори, ты вообще слышала, что я сказала?.. Проблема не в этом... – промямлила пораженная и ошарашенная Инаба.

По словам Иори Нагасэ, недоверие Инабы к людям – это всего лишь проявление ее беспокойной натуры.

Следующей заговорила Кирияма.

– Я тоже поняла, кажется... Я, когда возвращаюсь после обмена с Аоки, всегда первым делом проверяю все свое [тело]. А потом – не пропало ли что из вещей.

– Убила! Вот теперь просто убила! В смысле, это только со мной так; а с Тайти?!

- Заткнись! Я по обычному поведению сужу! – огрызнулась на вопящего Аоки Кирияма.

- И что... других мыслей у вас нет, что ли?..

- Ну... твои идеи насчет преступлений – это, по-моему, немного перебор. Но не переживай. Мне хватает здравого смысла, чтобы не делать никаких гадостей. Я из тех, кто даже дорогу на красный свет почти никогда не переходит.

И Кирияма гордо расправила плечи.

Несмотря на разный масштаб проблемы (и разное количество вовлеченных людей), Кирияма, как выяснилось, думала так же, как Инаба. Поэтому она не только не отвергла ход мыслей Инабы, но, напротив, с легкостью его приняла.

- Выходит, значит, Инаба-ттян не только мне не доверяет, а вообще всем?! Я не один, значит?!
- растерянно спросил Аоки.

- Тебя это волновало?..

- Конечно, в первую очередь! Остальное фигня!

Аоки сообщил, что, с его точки зрения, всё фигня.

Вот такой была реакция всех членов КрИКа.

- Сейчас для Инабан самое важное, – необычно официальным тоном произнесла Нагасэ, приковав к себе внимание всех, – ...это бегом в класс и взять свое обэнто .

И с самым серьезным видом за весь сегодняшний день Нагасэ поднесла к лицу свою красно-белую клетчатую коробочку с бэнто и покачала перед собой.

- Точно. – Ага, – синхронно закивали Кирияма и Аоки.

- Давай-давай, раз уж решили, сходи принеси! Тайти, и ты тоже. А то страшно есть хочется.

И, подталкивая Инабу и Тайти в спину, Нагасэ выпихнула их из кабинета кружка, хотели они того или нет. Посреди всей этой суматохи Нагасэ успела что-то прошептать Инабе на ухо. Что именно, Тайти не понял.

Какое-то время Инаба шагала чуть ли не в трансе, словно ее скорость обработки данных не поспевала за ситуацией. Наконец на полпути к классу она заговорила.

- Мои проблемы, из-за которых я даже в обморок упала, менее важны, чем обед?! Не слишком ли это легкомысленно?!

Вообще говоря, она была права.

Но – возможно, дело в том, что эти проблемы, если как следует разобраться, действительно не имели значения. Просто такова человеческая природа, ни больше ни меньше.

Тем не менее Тайти вовсе не считал, что постоянное беспокойство Инабы по этому поводу – глупость. Потому что, если как следует разобраться, это то, что управляет всей жизнью человека.

- Ох, похоже, я стала такой дурой... И все, что меня до сих пор грызло, и то, что я в таком неприглядном виде всем открылась, – все это...

Если взгляды Инабы уже стали вот такими, в будущем «это», возможно, действительно станет тривиальной проблемой.

Было бы идеально, подумал Тайти.

- ...Ну и ладно. Зато я раздобыла секрет, который может порушить всю школьную жизнь Тайти.

...Инаба-то могла сказать «ну и ладно», а вот Тайти – нет.

- Эй... Инаба. Если сможешь, запрети это в какой-нибудь самый дальний уголок памяти... не, лучше вообще из памяти сотри –

- Отказано.

...Похуже, до конца старшей школы ему предстоит быть рабом Инабы.

Тайти горестно вздохнул, чувствуя, будто в любой момент может развалиться. Инаба расхохоталась и хлопнула его по спине.

Потом она остановилась и положила руку ему на плечо.

- Ну, забыть я не смогу, зато взамен я тоже расскажу тебе кое-какой секрет. Так что мы с тобой будем в одной лодке.

Инаба придвинула лицо к самому уху Тайти.

От нее исходил легкий медово-сладкий аромат.

– Я тоже... тобой «вдохновлялась», – обдувая Тайти своим мягким, теплым дыханием, произнесла она.

– Чт-!.. Ты!..

Стыд, нетерпение, страх – атакованный всем этим, Тайти запаниковал.

То есть. Это. В смысле. Вот как вышло. Как вышло? Значит...

Инаба хихикала, явно наслаждаясь ошарашенным состоянием Тайти.

<http://tl.rulate.ru/book/51682/1300823>